18+

Мика Варбулайнен

Тайна браслета Изольды

МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ



Мика Варбулайнен

Тайна браслета Изольды. МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

«Издательские решения»

Варбулайнен М.

Тайна браслета Изольды. МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ /
М. Варбулайнен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837306-0

Молодой хирург Павел Васнецов и его подруга Алиса находят в старой питерской квартире, доставшейся Павлу в наследство от бабушки, старинные женские украшения. С этого момента в жизни Павла начинают происходить странные события. Какие именно? И какую тайну хранят найденные украшения? Вы узнаете, прочитав эту книгу.

ISBN 978-5-44-837306-0

© Варбулайнен М.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ТАЙНИК 6
Глава 1 6
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Тайна браслета Изольды
МИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
Мика Варбулайнен

Одна реальная, неожиданная находка во время ремонта в одной из квартир Петербурга, натолкнула меня на создание этой странноватой, почти мистической истории…
Автор

© Мика Варбулайнен, 2021
ISBN 978-5-4483-7306-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ТАЙНИК

Глава 1

Павел быстрым шагом пересёк маленький дворик, зажатый со всех сторон старыми питерскими домами. Большая дорожная сумка сильно давила на плечо. Он снял сумку, свободной рукой открыл дверь подъезда и оказался в полумраке парадной.

Пологая широкая лестница еле освещалась лампочкой Ильича, обшарпанные стены с жалким подобием «граффити» на них, напомнили Павлу о беззаботных детских годах, проведённых в этом старом доме в центре Питера.

Он постоял несколько секунд на первом этаже и устремился на третий, перешагивая сразу через несколько ступенек. У двери квартиры бабушки, его некогда горячо любимой и обожаемой бабушки, остановился, пошарил в кармане куртки рукой, достал ключ и с замиранием сердца вставил его в замочную скважину.

Дверь со скрипом отворилась, и Павел шагнул за порог…

Здесь ничего не изменилось со времён его далёкого детства. Всё было по-прежнему. Сумасшедший двадцать первый век остался за толстыми стенами дома.

В квартире бабушки царила середина двадцатого века. Громоздкий «ждановский» шкаф занимал половину прихожей. Стул с продавленным сидением тоскливо ютился в углу. Зеркало на стене в роскошной резной раме, и бра со шнурком, на конце которого вместо пластмассовой пупочки была вставлена большая круглая бусина – всё было, как и раньше. Только не было бабушки.

У Павла подступил ком к горлу. Он глубоко вздохнул. Запахло жареными блинами. На секунду ему показалось, что это бабушка стряпает на кухне и сейчас он услышит её слегка хрипловатый голос:

– Паша, ты голодный? Иди мой руки, и быстро – на кухню. Пока блиночки горяченькие…

Павел ещё раз вздохнул, снял ботинки и направился по широкому коридору, какие бывают только в старых питерских квартирах, в комнату.

Павлу было немного за тридцать. Он работал в городской клинике хирургом. Его родители уже два года жили за границей – в Марокко. Отец – профессор филологии, преподавал русский язык для иностранцев, мать – сценарист и писательница, отправилась вслед за мужем искать новые впечатления для очередной книги.

Бабушка завещала свою квартиру Павлу. Соседи полагали, что Евдокия, так звали бабушку Павла, в обиде на своего сына Андрея, так как он выбрал свою стезю в жизни – филологию, вопреки мечтаниям матери – стать биологом или же врачом.

Она, посвятившая всю свою жизнь генетике, изучению первопричины возникновения наследственных болезней, видела в лице сына продолжателя своих исследований.

Однако Андрею было совершенно наплевать на последователей Вавилова, его манили Шиллер, Гёте, мастер короткого рассказа – Чехов. Когда после выпускного, он сообщил матери, что поступает в университет – на филфак, она отреагировала весьма странно: не произнеся ни слова, ушла в свой кабинет и не выходила оттуда до позднего вечера.

Она не разговаривала с сыном несколько дней, но потом смирилась с его выбором. Андрей учился блестяще. Уже на втором курсе ему предложили работу на кафедре, а затем и аспирантуру. В двадцать шесть лет он уже имел учёную степень и Евдокия, хоть и не подавала вида, очень гордилась сыном и с удовольствием рассказывала знакомым об успехах своего отпрыска.

Когда родился Павел, она чуть ли ни с грудничкового возраста ринулась прививать ему любовь к биологии. Он сызмальства знал, как устроено то или иное растение, почему у одних людей глаза голубые, а у других – карие, почему при одних факторах клетки живого организма бешено размножаются, а при других – гибнут.

Профессия Павла была предопределена. После окончания школы он с лёгкостью поступил в медицинский институт.

Сейчас Павел был неплохим доктором, подающим большие надежды на будущее. Пациенты его любили, и смело вверяли ему свои драгоценные тела.

Чтобы уладить все дела, возникшие после смерти бабушки, Павел вынужден был взять внеочередной отпуск.

Порядок в квартире был совершенно чуждым явлением для такого человека, каковым являлась Евдокия. На письменном столе валялась куча разных бумаг, по всем четырём углам высились небоскрёбы из стопок книг. Пальма, давно забывшая, что такое тропические дожди, сиротливо стояла рядом со столом в огромной кадке, скорее походившей на бочку для солений огурцов, нежели на цветочный горшок. С фотографий, висевших в большом количестве на стенах кабинета, сквозь толстый слой пыли, с укоризной глядели лица предков и дальних родственников Павла.

Звонок мобильника заставил его отвлечься от мыслей об уборке. Популярная битловская песня зазвучала в боковом кармане дорожной сумки. Звонил институтский приятель Денис. От лица многочисленных друзей Павла напрашивался на новоселье. Было слышно, как в унисон с Денисом кто-то поддакивал, подхрюкивал, направлял ход мыслей приятеля в нужное русло, периодически хихикал. Павел понял – компания к нему намыливается приличная.

С трудом отвертелся, пообещав непременно принять всех через пару неделек, после приведения в порядок изрядно захламлённой квартиры бабушки.

Только он нажал сброс, как вновь запели «Битлы». На сей раз звонила мама. Объяснив ей, что всё в порядке, что питается он хорошо, что, в конце концов, он – взрослый мужик, что наследство оформил, вещи потихоньку перевозит, Павел перевёл дух.

– Ну-с… С чего ж начать уборку?.. – сам себе, вслух, задал вопрос Павел.

Его размышления прервал резкий звонок в дверь. «Сегодня у меня какой-то аншлаг! Неужели эти оглаеды всё же решили приехать?»

Павел направился в прихожую и открыл дверь.

На пороге стояла Алиса. Смущённо улыбаясь, спросила:

– Не ожидал? Можно к тебе.

В руках она держала бесформенный полиэтиленовый пакет, со всех сторон которого, что-то торчало и выпирало.

– Это тебе, – Алиса протянула пакет Павлу.

– Что это? – озадаченно спросил он, принимая пакет из рук девушки.

– Продукты.

– Продукты? Зачем?

– Как зачем? Есть.

– Проходи.

Павел посторонился.

– Ну, ты чего? Паш? Пристукнутый какой-то. – Улыбнулась Алиса и шагнула за порог.

– Так и есть, пристукнутый, – почесав в затылке, сказал Павел. – Точно ты подметила. Давай, проходи в комнату, а я – мигом! – и он скрылся с продуктами в кухне. – Проходи! Чувствуй себя, как дома! – крикнул он.

– Хорошо, хорошо! Прохожу. – Отозвалась Алиса и направилась по коридору в сторону комнаты, с интересом осматривая всё вокруг.

Она подняла голову к потолку и провела рукой по стене:

– Обожаю старые квартиры… Потолки высоченные. Не то что в моей «хрущёвке»… Паша! А сколько лет этому дому? Не знаешь?

В коридоре появился Павел, толкая перед собой сервировочный столик на колёсиках.

Губы Алисы тронула лёгкая улыбка. Ей давно нравился Павел, ещё со студенческих лет, когда она впервые увидала его в коридорах альма-матер. Высокий, с фигурой Аполлона и миндалевидными глазами цвета мокрого асфальта, он заставлял трепетать сердца многих Алисиных сокурсниц.

Их отношения начались с банальной дружбы. Алиса умела быть хорошим другом, эдаким «своим парнем», но дальше этого, как она ни старалась, их отношения так и не продвинулись. Павел, как воспринимал её, так и продолжал воспринимать, просто хорошим другом в женском обличье.

Алиса вынуждена была сделать вид, что её всё устраивает. На самом же деле она заняла выжидательную позицию и при каждом удобном случае давала понять своему другу, что она всегда рядом и, что он в любую минуту может рассчитывать на её помощь и поддержку. В результате ей удалось привязать его к себе настолько, что, когда она, по какой-либо причине, долго отсутствовала в его поле зрения, он начинал испытывать неясное беспокойство и тревогу.

Алиса, глядя на Павла, толкающего перед собой сервировочный столик, уставленный чашками и тарелками с бутербродами, ещё раз улыбнулась и пришла к выводу, что она всё делает правильно.

– Давай, проходи в комнату, любительница старых квартир, – изрёк, улыбаясь, Павел, – чай пить будем. А сколько лет дому? Я точно не знаю. Много. Лет сто пятьдесят, а может и двести.

Аккуратно, чтобы не расплескать чай, Павел перекатил столик через порог, припарковал его у дивана.

– Милости прошу, сударыня, – он указал жестом Полине на диван.

Сам же, устроился в кресле у письменного стола.

Алиса села и с интересом окинула взглядом комнату:

– Жалко, Паша, что ты так и не удосужился познакомить меня со своей бабушкой. Интересный, наверное, она человек была? Книг столько… Кем она была? Биологом?

– Биологом. А точнее – генетиком. Пыталась докопаться до первопричины возникновения наследственных болезней. – Павел усмехнулся.

– Феномен у меня бабушка была. Она считала, что каждый человек обладает, так называемой, генетической памятью. То есть, при определённых условиях и внешних факторах, мы можем вспомнить всё о своих предках, вплоть до того, как они выглядели, что делали. И помнят это – наши клетки, а точнее – конкретный ген, передающийся от поколения к поколению по наследству. А мы, дураки, просто не умеем пользоваться тем, что дала нам природа.

Павел встал, протиснулся в щель между пальмой и столом, и заходил по комнате взад и вперёд.

– Не знаю, может, бабушка и права? И мы отмахиваемся от того, что просто лежит на поверхности. Ведь, как известно, всё гениальное – просто.

– А у меня предположения твоей бабушки не вызывают никакого сомнения, – подключилась Алиса. – Разве у тебя не бывает такого – ты приходишь в незнакомое место, а тебе кажется, что ты уже здесь был? Или происходит какое-то событие, а ты просто уверен, что всё это уже происходило? Что это, как не генетическая память? Нет, Паша, мы ещё очень плохо знаем самих себя. Человек – это большая непознанная планета. И если мы знаем, где какой орган в нашем теле находится, это ещё не означает, что мы познали человека полностью. А душа? Интеллект? Наши мысли? Природу их возникновения никто до конца понять не может. Пытаются понять… Только лишь пытаются. Это тайна за семью печатями, божественная тайна,

которая лишь приоткрывается для особо одарённых личностей. Такой, видимо, и была твоя бабушка.

Павел задумчиво сказал:

– Да… Бабушка мыслила очень нестандартно. Для меня всё гораздо проще. Белое – это белое, чёрное – это чёрное. Я каждый день оперирую людей и вижу, что сердце – это обычный насос. Биологический, сделанный из клеток и тканей, но всё же – насос. Сосуды – трубы, по которым течёт красная жидкость, под названием – кровь. Обычная физика и никакой лирики. А душа… Пока жив человек – она у него есть. Не стало его – умер мозг, нет разума, интеллекта, значит – нет и никакой души! Всё очень просто и понятно.

– Нет, Павел. Ты не прав, – покачав головой, произнесла Алиса, – душа у человека есть и после смерти. Она – вечна.

Павел хмыкнул.

– Может и приведения существуют? А? Алис? – спросил иронично он.

– Ты не иронизируй, Паша. Всё это есть. Только не каждому это открывается. Нужно дар особый иметь. Вот я сейчас общаюсь с людьми, которые этим даром обладают…

– С кем? С психами что ли? – перебил Павел.

– Паша! Это вовсе не психи! Это люди, обладающие тонкой организацией нервной системы. Они видят и чувствуют то, что не каждому дано видеть и чувствовать. Неужели ты до сих пор не принимаешь таких людей? Ты – врач, а не хочешь признать того, что такие люди есть! – эмоционально воскликнула Алиса.

– Именно потому, что я врач… Я и не признаю всю эту чушь. Всех этих, как их там… экстрасенсов! Ещё раз готов повторить – всё это чушь!

Он, в возбуждении потирая руки, опять заходил по комнате. Потом подошёл к Алисе и вопрошающе уставился на неё.

– Мне одного не понятно, – сказал он, – как ты, тоже, между прочим, имеющая отношение к медицине, ведешься на всё это? Ещё и диссертацию по всей этой ерунде пишешь. Как ты её назвала? Нарушения в психике? Так кажется? И после этого ты будешь утверждать, что все эти ясновидящие и экстрасенсы не психи?

Алиса поняла, что продолжать разговор на эту тему дальше – бесполезно. Всякий раз, когда они касались тем, связанных с чем-то, чего невозможно объяснить с точки зрения логики и здравого смысла, они упирались лбами, но каждый в этой ситуации оставался при своём мнении и не принимал точку зрения другого. Павел называл всё это коротко и ясно – чушью. Алиса же, опираясь на свой опыт общения с необычными людьми, утверждала обратное.

– Между прочим, – с вызовом сказала она, – диссертация моя называется иначе. Она называется «Нарушения и патологии психики».

– Ай! – махнул рукой Павел, – Не велика разница. Что в лоб, что – по лбу.

– Знаешь, Паша, дело не в названии, а в сути. А суть в том, что если ты чего-то не понимаешь, то не нужно утверждать, что этого нет!

Алиса замолчала и принялась за бутерброд и чай, который уже остыл, пока они вели свои умные беседы.

Павел тоже звучно отхлебнул из чашки и дожевал остатки своего бутерброда. Он бросил взгляд на Алису. Та молча, насупившись, допивала чай. Виду неё сейчас был, как у маленькой обиженной девчонки. Павел невольно улыбнулся, хотел было что-то сказать по этому поводу, шутливое, но передумал.

В комнате воцарилась тишина. Он подошёл к письменному столу и стал молча складывать книги на пол. Алиса встала и присоединилась к нему. Так, какое-то время, они молча перекладывали книги со стола на пол. Павел не выдержал:

– Слушай, что-то я не понял? Ты решила мне помочь навести здесь порядок?

– А ты против? – спросила Алиса, всё с тем же обиженным выражением лица.

– Ну, в принципе, нет. Ну, не сердись, Алиса, – примирительно начал Павел, – я не прав. Просто я ничего не смыслю во всех этих экстрасенсах и ясновидящих.

Алиса молча взяла очередную книгу со стола, дела вид, что она его не слушает.

– Эй! – Павел слегка толкнул Алису в бок. – Мир?

Алиса не выдержала и улыбнулась.

– Мир. – Коротко сказала она и в её глазах зажглись весёлые огоньки.

– А вообще, я, наверное, большой нахал, – продолжил Павел, – покушал нахаляву, а теперь вот ещё и припахал девушку.

Алиса подхватила ироничный тон Павла:

– Да уж, вы, батенька, действительно, нахал! Пользуетесь без зазрения совести услугами хрупкой беззащитной барышни.

– Да, кстати, барышня, – спохватился Павел, – сколько я тебе должен за кормёжку?

– Нисколько.

– Ну, здрасьте вам! – по-клоунски поклонился Павел. – Я альфонсом никогда не был и не буду.

Он достал из дорожной сумки тысячу:

– Держи! Кормилица!

Алиса отстранила его руку. Но Павел настойчиво сунул ей купюру в карман.

– Кому сказал – держи!

Он сделал грозное выражение лица, не терпящее возражений. Алиса не выдержала и рассмеялась.

– Видел бы ты сейчас себя со стороны! Как прапорщик!

– Почему прапорщик? – удивился Павел. – Что ты имеешь против прапорщиков? – И он опять сделал суровое лицо, сведя брови к переносице.

Алиса смеясь, пояснила:

– Ну, мне казалось, что прапорщики, когда приказы солдатам отдают, такое лицо делают!

Павел покачал головой: – Да уж, весьма своеобразное у тебя представление о служивых людях.

Алиса начала рыться в сумочке, ища сдачу.

– Сдачи нэ надо! – с грузинским акцентом добавил Павел.

– Вот ещё, – фыркнула Алиса, – всё должно быть по-честному. Вот, – и она протянула ему три сотни сдачи, – продуктов было приобретено ровно на семьсот рубликов, товарищ прапорщик. – И она снова засмеялась.

– Не возьму, – отстранил её руку с деньгами Павел, – ты тащила мешок с продуктами. Поднимала его на третий этаж… Это труд, барышня. И он должен быть оплачен.

Потом добавил:

– Алиса, не валяй дурака. Я не возьму твою сдачу. Убери.

Ей ничего не оставалось, как убрать деньги назад в сумочку. Мысленно она отметила – а он, всё-таки, джентльмен и не скупердяй, каковых среди мужчин немало в наше время.

Тем временем Павел огляделся по сторонам и изрёк:

– Тебе не кажется, что вот эта пальма, – он ткнул пальцем в дерево, стоявшее у письменного стола, – находится совсем не на месте?

– Кажется, – утвердительно кивнула Алиса. – Я, думаю, ей будет лучше у окна. Там и света больше.

– Абсолютно верно! – воскликнул, потирая руки, Павел.

Он присел на корточки возле кадки и попытался сдвинуть её с места. Та даже не шелохнулась. Павел почесал в затылке и дёрнул за край сильнее. Результат тот же – кадка с пальмой стояла, как вкопанная.

– Гвоздями она, что ли, приколочена? – с досадой проговорил Павел.

Алиса присела рядом с ним. Вместе они попытались сдвинуть кадку с места. Та не продвинулась даже на сантиметр. Возникало такое ощущение, что пальма никак не хотела «уходить» со своего места.

Павел решил попробовать не сдвигать её, а перекатить, слегка наклонив на бок. Его действие увенчалось успехом. И через какое-то время пальма благополучно красовалась у окна, оставив на прежнем месте тёмный круг на полу.

Алиса опустилась на коленки и поковыряла пальцем паркет в центре круга.

– Всё ясно, что мешало. Смотри – паркет отваливается.

Павел наклонился и пошевелил паркетину. Та отскочила в сторону, будто пробка от бутылки с шампанским.

Алиса стала всматриваться в образовавшуюся щель в полу. Наконец она тихо сказала:

– Паша, мне кажется, там что-то лежит.

– Конечно, лежит. Черновой пол. – Отозвался Павел, вертя в руках отскочивший кусок паркета.

– Нет же. Свёрток какой-то… – всё так же тихо проговорила Алиса.

Павел усмехнулся, снова присел возле круга и попытался просунуть в щель руку. Рука не пролезала. Он подковырнул соседний кусок паркета и тот, на удивление легко, тоже отвалился.

Он пошарил в образовавшейся полости рукой и через некоторое время извлёк наружу пакет, завёрнутый в старую, пожелтевшую от времени газету.

Он положил свёрток на пол и аккуратно развернул его. На пожелтевшей странице лежали женские украшения: цепочка, кулон в виде сердца, усыпанный мелкими камешками и браслет, весь изрезанный завитушками и вензелями.

Павел присвистнул от удивления и взглянул на Алису.

– Паша, мы клад нашли, – не отрываясь, глядя на украшения, всё так же тихо, сказала она.

– Похоже… – проговорил Павел и встал.

– Может твоя бабушка спрятала? – предположила Алиса.

– Ну, ты скажешь, бабушка! – воскликнул Павел. – Делать ей больше нечего, как по всяким дыркам, золото-бриллианты прятать. Да и равнодушна она была ко всякого рода женским украшениям.

Павел прошёлся по комнате в раздумье и сел на диван. Неожиданно взгляд его затуманился. На какое-то мгновение ему показалось, что он летит в огромную бездну. Сквозь пелену тумана он увидел неясный силуэт мужчины, стоящего на коленях возле отверстия в полу и засовывающего внутрь какой-то свёрток. Павел силился рассмотреть мужчину лучше, но силуэт его был нечёток, расплывчат и вот он начал таять, и исчез так же неожиданно, как и появился. Павел закрыл глаза и провёл ладонью по лицу.

– Паша! Что с тобой?! – донёсся откуда-то издалека голос Алисы.

Павел очнулся от наваждения и посмотрел непонимающим взглядом на Алису.

– Господи, Паша! Что с тобой?

– Ничего. Всё нормально. Привиделось что-то… – Неуверенно сказал Павел.

– Ты меня напугал. Сидишь, смотришь в одну точку, и не реагируешь ни на что. Что тебе привиделось?

– Так. Пустяки. Чушь какая-то. – Он попытался улыбнуться.

Алиса с недоверием посмотрела на него и ещё раз спросила:

– С тобой точно всё в порядке?

– Да. Точно! – бодро ответил Павел, однако его охватило неизвестно откуда взявшееся чувство тревоги. Последний раз он испытывал нечто подобное, когда делал самостоятельно первую в своей жизни операцию. С тех пор прошёл не один год и Павел, обладающий неза-

урядной выдержкой и хладнокровием, был неприятно удивлён этому, вновь появившемуся, состоянию.

Алиса аккуратно переложила в сторону украшения и взяла в руки газету. Она попыталась разобрать текст, который была на первой полосе.

Часть букв потускнела, но всё же она прочла:

«Крупнейшее пассажирское судно, построенное в 1911 году в Великобритании, водоизмещением свыше 46300 тонн, длинной около 269 метров, шириной 28,2 метра, скоростью 25 узлов, во время первого плавания из города Саутхемптон в Нью-Йорк, затонуло, столкнувшись с айсбергом. Число погибших, по различным данным, от 1400 до 1517 человек, всего на борту судна находилось приблизительно 2200 человек».

Закончив читать, Алиса подняла глаза на Павла:

– Да это же Титаник… Он затонул в апреле 1912 года, если не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, – отозвался Павел, беря из рук Алисы газету. Он ещё раз пробежал текст заметки глазами и несколько раз повернул газету в разные стороны.

– Ты права, газета двенадцатого года прошлого века, – задумчиво сказал он. – И что же это значит?

– А значит то, что кто здесь жил в двенадцатом году, тот и спрятал эти украшения, – уверенно заключила Алиса.

– Не факт, – ответил Павел и снова задумался.

Он почувствовал, что ему опять становится как-то не по себе. В надежде избавиться от этого неприятного состояния он стал насвистывать любимую мелодию «в пещере горного короля». Но художественный свист мало чем помог. На душе было всё так же тревожно.

Алиса перебирала украшения. Она взяла в руки кулон и нажала сбоку на замочек. Кулон открылся. Внутри оказался маленький портрет необычайно привлекательной женщины.

– Смотри, какая красивая, – Алиса протянула кулон Павлу. – Кто она?

Павел посмотрел на фото. Тонкие черты лица, миндалевидные глаза, тёмные вьющиеся волосы, убранные в высокую причёску, поразили его. Теперь таких лиц не было: мягкий овал лица, аккуратный вздёрнутый носик и глаза, потрясающие глаза. Их взгляд манил, завораживал, убаюкивал…

Павел почувствовал лёгкое головокружение. От пола к потолку стала подниматься белая дымка, на фоне которой, как на экране в кинотеатре, он увидел странное действие: женщина в старинных одеждах сидела в кресле, подле неё, на коленях, стоял молодой мужчина. Незнакомка одной рукой гладила мужчину по белокурой голове, другую – непринуждённо положила на подлокотник кресла.

– Павел, помоги! – откуда-то издалека он услыхал голос Алисы.

Видение мгновенно исчезло.

– Паша, я никак не могу снять браслет! – чуть не плача, восклицала Алиса.

Павел перевёл взгляд на Алису. На её запястье красовался браслет, рука на глазах отекала, принимая багрово-синий оттенок.

Девушка со слезами на глазах тщетно пыталась расстегнуть браслет. Изящное украшение явно не хотело выпускать из объятий её руку.

Павел среагировал мгновенно. Со словами: «Потерпи немного! Сейчас, сейчас!» – Он выбежал из комнаты. Через несколько минут он был возле Алисы, держа в руках клещи и пытаясь откусить ими заклинивший замок на браслете.

Как только он поднёс клещи к замку, кулон, лежащий на столе в открытом виде, сам собой захлопнулся и браслет, издав странный щелчок, раскрылся и с тонким хрустальным звоном упал на пол.

Павел поднял браслет, с любопытством повертел его в руках, потрогал пальцем замок, несколько раз застегнул и расстегнул его – замок легко закрылся и раскрылся. Он пожал плечами.

– Странно… Замок не сломан, абсолютно запросто отщёлкивается.

Алиса растирала затёкшую руку, с опаской поглядывая на браслет.

– Не нравится мне всё это.

– Что не нравится? – переспросил Павел, ощущая странную лёгкость во всём теле.

– А то не нравится – ты какой-то странный. Я не узнаю тебя. Браслет этот дурацкий… Слушай, давай назад положим все эти украшения. Тебе не кажется, что как только ты вытащил наружу этот пакет, стало происходить что-то непонятное?

Павел стоял у стола и с растерянным видом смотрел на закрытый кулон.

– Слушай, – не слыша вопроса Алисы, сказал он, – мне кажется, кулон был раскрыт, когда я выбегал за клещами. – Он удивлённо посмотрел на Алису.

– Ты уверен в этом?

– Уверен, – твёрдо сказал Павел и положил браслет рядом с кулоном.

Он прошёлся по комнате, подошёл к дивану и сел, о чём-то сосредоточенно думая.

Алиса молча наблюдала за его действиями. Наконец она не выдержала:

– Знаешь, Паша… Ты, конечно, можешь считать меня идиоткой. Но я думаю, что мы вторглись куда-то, куда не имели права вторгаться. Такое ощущение, что мы зло какое выпустили наружу, вместе с этими украшениями. Я понимаю, ты не веришь во всё это. Тебе кажется, что всё это ерунда. Я тоже раньше так считала, пока не столкнулась с людьми, которые видят и чувствуют то, что мы не можем видеть и чувствовать.

– Ты опять мне о своих психах начинаешь рассказывать? – вздохнул Павел. – Может, ещё скажешь, что мы дьявола выпустили наружу? Он был заколдован в этом пакете, а мы его взяли и выпустили?

– Ну, дьявола вряд ли… – Неуверенно сказала Алиса. – А вот чью-то душу… Того, кто спрятал эти украшения, возможно и потревожили.

Павел раздражённо перебил её:

– Всё! Хватит! Не могу больше слушать этот бред. – Он встал и снова заходил по комнате.

– А может это твоя бабушка спрятала? – не унималась Алиса.

– Бабушка? – переспросил Павел. – Зачем ей это было надо? И мне-то уж, наверняка, она об этом рассказала. Если б клад какой припрятала.

– Может, не хотела рассказывать, – опять предположила Алиса.

Павел пожал плечами и вдруг рассмеялся. Алиса удивлённо посмотрела на него.

– Чего я такого смешного сказала?

Павел снова сел рядом и приобнял Алису за плечи.

– Ну, давай рассуждать логически. Разве не смешно, что мы с тобой, два взрослых, образованных человека… Не просто образованных, а оба – медики…

– Извини, но я – психолог, – поправила Алиса.

– Не важно, училась-то ты в медицинском, как и я. Так вот. Оба медики и городим всякую чушь про какие-то побрякушки. Непонятно кого, видите ли, мы выпустили в наш мир, достав этот пакет. Алиса! Ну, подумай хорошенько. Разве такое возможно?

Алиса не разделила оптимизма Павла.

– Не знаю. Но мне всё равно как-то не по себе. Здесь стало что-то странное происходить.

– А что стало происходить?

Павел встал, подошёл к столу и взял браслет. Он стал внимательно его рассматривать, вертя в руках.

– Всё очень просто объясняется, – начал он. – Первое, браслет рассчитан на более тонкую руку, нежели твоя. Вот она и стала отекать, когда ты нацепила его. Второе, не расстёгивался

замок? Так ты его зацепила за прорезь в самом браслете. Третье… Я странный? Так это ещё проще объясняется. Устал. Отдохну немного и буду, как новенький. Без странностей.

Он обернулся и развел руки в стороны, слегка склонившись вперёд. Потом для большей убедительности спросил по-немецки:

– Ферштейн?

– Ферштейн, – вздохнула Алиса. – А кулон?

– Что кулон?

– Кто кулон закрыл?

Павел задумался.

– Кулон? Кулон… – Повторил он несколько раз. А потом хлопнул рукой себя по лбу:

– Ах, я дурачина! Я же бросил его резко на стол, когда ты закричала. Вот он и захлопнулся.

И он радостно улыбнулся, довольный своими умозаключениями. Он вообще любил раскладывать всё по полочкам в своей голове и рассуждать обо всём логически, категорически не воспринимая фантазийные и излишне эмоциональные рассуждения Алисы.

Алиса поёжилась, как от озноба.

– Ты прости, но мне всё равно это не нравится. Да и домой пора. Поздно уже.

– Может, останешься? – Неожиданно предложил Павел.

Она на секунду задумалась, бросив на него удивлённый взгляд. За всё время их знакомства, он ни разу не предлагал ей остаться у себя, и сам никогда не навязывался к ней в гости, а уж тем более – на ночлег.

Он перехватил её взгляд и вдруг смутился, что ему было совсем несвойственно. Потом добавил:

– Места тут достаточно. Я в кабинете лягу. А тебе в комнате постелю. Приставать не буду. Обещаю.

«Боже мой… – подумала Алиса, – Взрослый мужик. А ведёт себя, как подросток». Вслух же сказала:

– Нет. Я лучше домой. В чужом месте, тем более с такими сюрпризами, не смогу заснуть. Извини.

Она взяла сумочку и решительно направилась к выходу.

– Хоть отвезти до дома тебя позволишь? – Вдогонку поинтересовался Павел.

Она обернулась.

– Да, конечно. Буду очень признательна. – Неестественно вежливо сказала она, пытаясь скрыть внезапно охватившее её волнение.

Глава 2

«Опель» Павла мчался по ночному Петербургу из центра в район Гражданки. Ехали молча. Тихо мурлыкала автомагнитола.

Первым нарушил молчание Павел:

– Что приуныла? – Спросил он, мельком взглянув на Алису, задумчиво смотревшую в окно.

– Да всё думаю…

– О чём?

– Об украшениях…

Павел усмехнулся:

– А я, было, подумал, что обо мне.

Алиса опять удивилась. «Что это с ним? Странная находка так подействовала? Или время суток? Когда всех тянет на романтику»

Павел быстро посмотрел на неё.

– Шучу. Вряд ли такой великовозрастный оболтус будет занимать мысли умной, симпатичной девушки. Это я размечтался.

Сказал он это с серьёзным видом и Алиса совсем растерялась. Как воспринимать эти речи? За чистую монету или, всё же, как шутку? Она не нашлась, что ему ответить и отвернулась.

Павел снова посмотрел на неё. Короткая, почти мальчишеская, стрижка, вздёрнутый носик, длинные тёмные ресницы… Совсем девчонка. Всё это сейчас вызвало в нём какое-то непонятное чувство: жалость, смешанную с нежностью. Ему захотелось притянуть её к себе и обнять. «Уж не влюбился ли ты, дружище, в свою закадычную подругу?» – мелькнуло у него в голове. Он с трудом отвёл взгляд от Алисы, поборов в себе неожиданный прилив нежности.

Через какое-то время сказал:

– Не грусти, подружка. Разберёмся. Покажу эти безделушки знающему человеку. У Мишки есть знакомый ювелир. Если это какие-то важные исторические ценности, отдадим их в соответствующие инстанции. Если нет, то распорядимся ими по своему усмотрению.

– Мишка это твой коллега? Тот самый? Шебутной? – Она, наконец, улыбнулась, вспомнив этого весёлого приятеля Павла. Тоже хирурга, как и он.

Павел утвердительно кивнул.

– А интересно, – продолжила Алиса, – кто до твоей бабушки жил в этой квартире?

– Понятия не имею. Сколько себя помню, она всё время там жила. Отец там родился, – Павел затормозил на светофоре, – мать бабушкина, прабабка моя – Пелагея, тоже здесь жила. – Зажёгся зелёный свет и Павел тронулся с места. – Правда, я не видел её живьём. На фотографиях только. Она в блокаду умерла. Бабушка выжила. Она подростком тогда была. Прадеда на фронте убило. Перед самым окончанием войны. До полковника дослужился. Уже в самой Германии погиб. Обидно. Вот, пожалуй, и всё, что я знаю о своих предках. А кто там? Что там? До того было… Я понятия не имею.

– Надо бы узнать.

– Надо бы, – сказал Павел и затормозил возле пятиэтажки по улице Верности. С усмешкой добавил:

– Будет чем заняться в отпуске.

– Ну, пока! – сказала Алиса и быстро, по дружески, чмокнула Павла в щёку. Он, было, притянул её к себе, но она высвободила его руку и быстро выпорхнула из автомобиля. Он с усмешкой покачал головой и тихо сказал:

– Недотрога. – Проводил взглядом удаляющуюся фигуру Алисы, подождал, когда она войдёт в подъезд, и нажал газ.

Спустя полчаса, он уже стоял в прихожей квартиры бабушки. По ночному Питеру ездить одно удовольствие. Ни тебе пробок, ни людской толчеи.

Он бросил ключи на стул и подошёл к зеркалу, висевшему на стене у входной двери. Несколько секунд смотрел на своё отражение.

Внезапно его сердце бешено заколотилось, по телу пробежали мурашки. В зеркальном отражении, позади себя, он увидел женский силуэт в старинных одеждах. Небольшая шляпка с вуалью наполовину прикрывала лицо женщины, её капризный изгиб губ тронула лёгкая улыбка.

Павел, как вкопанный, стоял на месте и с ужасом всматривался в отражение.

Дама слегка наклонила голову, как бы приветствуя Павла, и проследовала позади него в сторону комнаты.

Он постоял так ещё несколько секунд, ущипнул себя за руку, проверяя, не спит ли? Почувствовав боль, убедился, что не спит, а затем резко обернулся. В коридоре никого не было. Он поднёс руку ко лбу, переместил её к глазам, мотнул головой, пытаясь привести себя в чувства, после чего вновь огляделся по сторонам – в прихожей он был один.

Павел решительно направился в комнату, соображая на ходу, что он сейчас скажет этой непрошеной гостье. Но там тоже никого не было. Павел чертыхнулся.

– Да уж, – вслух сказал он, – мне точно пора в отпуск. Всякая ерунда мерещиться стала. Причём, уже второй раз.

Он подошёл к столу. Браслет и кулон лежали на своём месте. Цепочка и старая газета – на полу. Он поднял их и положил рядом с браслетом и кулоном. Постоял некоторое время в раздумье, затем взял кулон и открыл его.

Фотография находилась там же, где и была, внутри кулона.

«И кто же вы такая?» – размышлял Павел, внимательно рассматривая фото незнакомой женщины. Он опустился в кресло и отложил кулон в сторону. Потом он достал мобильник и набрал номер Михаила.

Длинные гудки прервал заспанный мужской голос:

– Алло…

– Мишань, привет! – бодро сказал Павел.

– Васнецов, ты рехнулся?! Час ночи. – Хрипло отозвался голос в трубке. – Мне завтра на дежурство ранищу!

– Дружище, ну не ворчи. Помнишь? Ты говорил, что у тебя есть знакомый ювелир. Знаток старины всякой.

– А что? До утра потерпеть никак не мог? – недовольно заворчал Михаил.

– Ну, прости. Очень надо. Кажется, ты говорил, Иннокентий его зовут. Нужно с ним проконсультироваться.

– Да, Иннокентий его зовут. А что случилось-то? Я думал, ты на Канарах где отдыхаешь.

– Да какие Канары?! Издеваешься! – возмутился Павел. – Квартирным вопросом я занимаюсь. Забыл что ли? Сам же на новоселье собирался.

– Ах, да. Бабушка… Забыл. Ну, так Иннокентий не по этой части. Он по всяким цацкам спец.

– Мне именно такой спец и нужен.

Михаил усмехнулся и спросил:

– Что? Бабушка помимо квартиры, ещё и золото-бриллианты оставила? Как Кисе Воробьянинову?

– Можно сказать, что и так, – уклончиво ответил Павел.

– Ну, ладно, Киса, – пошутил Михаил, – всё равно разбудил. Сейчас поищу его координаты. Где-то у меня они были записаны. Повиси.

В трубке послышались шаркающие шаги, потом какие-то щелчки, видимо Михаил открыл и закрыл дверцу шкафа, потом звук пролистываемых страниц и, наконец, довольный возглас коллеги:

– Во! Нашёл! Записывай.

– Пишу…

Михаил продиктовал вначале телефон, а потом адрес:

– Фурштатская улица, дом 25. Квартира 7. Записал?

– Записал. Спасибо огромное, дружище! Извини ещё раз.

– Только позвони ему вначале, – напомнил Михаил, – он не любит визитов незнакомцев. Скажи, что от меня.

– Хорошо. Спасибо тебе, Миша. Спокойной ночи, – вежливо пожелал Павел.

– С такими друзьями, как ты, покой мне только снится. Учти! От новоселья не отвертишься.

– Не отверчусь, – улыбнулся Павел и нажал сброс.

Он положил трубку и посмотрел на листок, где размашисто записал адрес и номер ювелира. Хотел было набрать его сразу. Но вовремя опомнился. Звонить среди ночи незнакомому человеку было не прилично. Не то, что другу. Мишке можно было позвонить когда угодно – хоть среди ночи, хоть с утра. Он, конечно, возмущался при этом, но потом успокаивался, когда узнавал, что ничего страшного не случилось и все живы-здоровы, а Павлу торнуло именно в данную минуту что-то обсудить с приятелем. Да и сам он платил Павлу той же монетой, звонил ему, когда вздумается. В общем, они друг друга стоили.

«Хороший всё же мужик Мишка, – подумал Павел, – и хирург от бога…»

Он откинулся на спинку кресла и потянулся за кулоном. Щёлкнул замочком и снова стал рассматривать миниатюрный портрет незнакомки. Лицо женщины притягивало к себе и будоражило воображение.

Чем дольше он всматривался в черты этого лица, тем больше у него возникало ощущение, что он её знает или, по крайней мере, встречался. Но когда? Где? Вспомнить этого он никак не мог. На мгновение ему показалось, что померещившаяся ему в зеркале женщина похожа на незнакомку из кулона. Хотя, скорее всего, показалось. Та, из зеркала, была в шляпке, закрывающей половину лица. Он не успел разглядеть хорошо её лица. Запомнил только её губы – пухлые, с капризным изгибом. Эта же, в кулоне, была без шляпки, с высокой причёской и лёгкими завитками волос, спадающими вдоль лица. И губы её были не столь капризны.

Старинные башенные часы, стоявшие у входа в комнату, пробили половину второго ночи. Павел перевёл взгляд от лица незнакомки на часы, зевнул, и захлопнул кулон. Он положи его к остальным украшениям и встал.

– Всё, хватит. Пора спать.

Как только его голова коснулась подушки, он сразу забылся странным беспокойным сном. Сначала ему снилась бабушка, которая что-то усердно писала, сидя за письменным столом. Павел спрашивал бабушку – что она пишет? Но она молчала. Он пытался подойти к ней ближе и заглянуть в тетрадь, что лежала перед ней, но бабушка захлопнула тетрадку, а когда подняла на него своё лицо, то это была уже вовсе и не бабушка, а незнакомка из кулона. Затем он увидел Алису. На её руке был надет браслет. Алиса не-то плакала, не-то смеялась. Павел бегал за ней по комнате с кусачками… Алиса почему-то убегала, несмотря на то, что её рука, на которой был надет браслет, становилась всё больше и больше. Казалось, этому кошмару не будет конца.

Луч солнца, пробившийся сквозь щель в плотных шторах на окне, коснулся лица спящего Павла, пробежался по одеялу и упёрся в замысловатый узор на обоях.

Павел открыл глаза и посмотрел на часы. Было девять утра. Он потянулся, потом накрылся с головой одеялом и повернулся к стене. Вставать не хотелось. В голове медленно восстанавливалась картина прошедшего дня.

Он вспомнил об украшениях, найденных под паркетом, о странных видениях, преследовавших его в течение всего предыдущего вечера и к нему в душу, тонкой змейкой, опять стала заползать тревога.

«Что же это со мной происходит?» – Задал мысленно, уже в который раз, сам себе вопрос Павел. Объяснения не было.

Наконец он вспомнил про Иннокентия, с которым собирался потолковать о ценности найденных украшений. Эта мысль окончательно пробудила его ото сна и он резко откинул одеяло в сторону и сел. Потом нашарил ногами тапочки, встал и отправился по обычному утреннему маршруту, которому он дал шутливое короткое название – ТВК, что означало, соответственно, туалет, ванна, кухня.

Наскоро перекусив, он положил украшения в первый попавшийся полиэтиленовый пакет и засунул его в сумку. Потом набрал номер ювелира.

В трубке долго слышались длинные гудки, и вот, наконец, приятный, бархатистый мужской голос ответил:

– Алло!

Павел представился и коротко изложил суть звонка. Не забыл и про Михаила. Что это именно он дал ему телефон Иннокнетия. При упоминании о Михаиле, Павел почувствовал, как ювелир улыбнулся, и голос его стал ещё мягче и доброжелательнее.

Они договорились встретиться через час у Иннокентия дома.

Павел спустился во двор, где был припаркован его «Опель». Через несколько минут он уже мчался в сторону метро «Чернышевская», мысленно проклиная то и дело возникающие пробки.

Наконец он добрался до Фурштатской. Вышел из машины и, щёлкнув сигнализацией, направился в сторону арки, ведущей во двор дома. Он нашёл нужный подъезд и поднялся на второй этаж. У квартиры номер семь остановился и заглянул к себе в сумку. Убедившись, что пакет с украшениями на месте, он нажал на звонок.

За дверью послышался грозный лай собаки, а потом голос, который он уже слышал по телефону.

– Рубин, тихо. Не шуми. Кто там?

– Это Павел. Павел Васнецов, – зачем-то Павел назвал и свою фамилию, – Я звонил вам.

– Да, да. Сейчас. – Услыхал Павел из-за двери.

Потом щёлкнул замок и дверь отворилась. На пороге стоял седовласый мужчина почтенных лет. Он держал за ошейник огромного дога.

Пёс оскалился и показал гостю острые желтоватые клыки. Мужчина окинул Павла взглядом и улыбнулся.

– Проходите, – сказал он, и чуть посторонился.

Павел, с опаской посмотрел на собаку.

– А ваш друг не против будет?

– Не бойтесь. Он не настолько злой, как может показаться на первый взгляд. – Хозяин потрепал пса за холку. – Проходите.

– Солидный зверь, – сказал он, заходя в квартиру.

– Да, молодой человек, без хорошего охранника в наше время не обойтись, – закрывая дверь, сказал ювелир. – Идёмте.

И он, дав команду собаке – лежать, проследовал по широкому коридору в комнату.

– Обувь не снимайте. Проходите так. Без церемоний. – Заметил он на ходу.

Павел проследовал вслед за ним, ещё раз оглянувшись на собаку. Пёс лежал, положив морду на лапы, и умным взглядом провожал непрошеного гостя.

– Не кинется? – Опять спросил Павел.

– Не кинется. Он без моей команды с места не тронется. – Уже из комнаты донёсся голос хозяина.

Войдя в комнату, Павел мысленно ахнул. Ему на мгновение показалось, что он из двадцать первого века перенёсся в девятнадцатый, или ещё какой, пораньше. Да и комнатой это помещение назвать язык не поворачивался. Скорее, это был зал. Большой, просторный зал.

Стены в нём были увешаны старинными картинами. Между окнами, каковых там оказалось целых три, в простенках, стояли огромные вазоны, из которых тянулись ввысь замысловатые декоративные растения, не-то живые, не-то – искусственные. Понять это было невозможно, но было очень красиво и элегантно.

Шторы на окнах, словно театральные занавесы, были изящно задрапированы. На потолке, переливаясь всеми цветами радуги, красовалась роскошная люстра. Посередине комнаты стоял большой круглый стол, накрытый лёгкой светлой скатертью, а вокруг стола, как в кабинете министров, расположились шесть стульев с высокими королевскими спинками.

Завершал интерьер комнаты – старинный камин у стены, на котором стояли массивные бронзовые подсвечники.

Иннокентий заметил, с каким интересом его гость рассматривает убранство комнаты и поспешил пояснить:

– Люблю, знаете ли, старые вещи. Среди них мне дышится легче. Я человек несовременный. Не могу принять всю эту скорость и суету теперешней жизни. Только дома душа моя отдыхает. А там, – он махнул рукой в сторону окна, – там столько проблем, стрессов. Я и язву-то свою заработал из-за этой суеты. Кстати, Михаил Геннадич мне очень помог. Можно сказать, от смерти спас. Золотые руки у человека… А вы, случаем, не доктор? Или художник? Фамилия у вас знаменитая… Васнецов вы сказали? – Иннокентий с любопытством взглянул на Павла.

– Да, Васнецов. Но к художнику Васнецову не имею никакого отношения. Однофамилец. Я – коллега Михаила Геннадьевича. Хирург, – ответил Павел.

– Хирург? – Иннокентий вновь с интересом посмотрел на Павла. – Это хорошо.

Но почему это хорошо, не пояснил. Он подошёл к столу и отодвинул стул, жестом пригласив Павла сесть. Сам же устроился с противоположной стороны. Он положил руки на стол, сцепив их в замок, и корпусом подался немного вперёд.

– Ну-с, молодой человек, а теперь я вас слушаю. Чем могу вам служить?

Он говорил старомодно, будто действительно жил не в нашем времени. На Павла тоже и обстановка, и сам хозяин, подействовали должным образом и он, неожиданно для себя самого, заговорил, используя несвойственные ему обороты речи.

– Видите ли, многоуважаемый Иннокентий… – начал он и тут же, спохватившись, что не знает отчества ювелира, уточнил, – Ой, простите, не поинтересовался как вас по отчеству?

– Вениаминович, – сказал Иннокентий. Он еле сдерживал улыбку, наблюдая, как Павел сидит напротив, держа прямо спину, и старательно подбирает вежливые слова и интонации.

– Так вот, Иннокентий Вениаминович, – Павел чуть было не добавил – милостивый государь, но вовремя опомнился, и уже обычными словами сказал: – Меня интересует ценность этих украшений. – Он полез в сумку и достал пакет. Вынул украшения и пододвинул их ближе к ювелиру. – Вот. – Добавил он. – Посмотрите, пожалуйста.

Иннокентий усмехнулся и перевёл взгляд с Павла на украшения. Он протянул руку к цепочке, растянул её во всю длину, наклонился и потрогал аккуратно пальцем замочек, а затем отложил её в сторону. То же самое проделал с кулоном и браслетом. Затем молча встал и подошёл к старинному бюро, стоявшему за дверью. Выдвинул и задвинул ящик бюро, а потом вернулся на место, держа в руках массивную лупу.

Он долго рассматривал украшения через лупу, периодически хмыкая и посматривая на Павла. И вот он отложил лупу в сторону.

– Вот что я вам скажу, Павел… – задумчиво начал он. – Украшения эти довольно старые. Цепочка и кулон где-то в начале двадцатого века изготовлены. Точно дату не могу сказать. А вот браслет, – Иннокентий снова взял в руки браслет, – браслет… даже и затрудняюсь сказать. Он гораздо старше цепочки и кулона. Металл, опять же, странный какой-то, – Иннокентий положил браслет на ладонь и сделал движение рукой, как бы оценивая вес изделия. – Не золото это. И не серебро. А что точно? Определить на глаз не могу. Нужно анализ лабораторный делать. Так определить невозможно. Пробы никакой нет. Да и на цепочке с кулоном, кстати, тоже пробы нет. Такое ощущение, что кустарь какой-то делал всё это. Но кустарь талантливый. Мастер своего дела.

– А ценность? Ценность историческую они имеют? – спросил Павел.

– Ценность? – ювелир взял кулон и нажал на расположенный сбоку замочек.

Кулон раскрылся и перед взором Иннокентия предстал портрет незнакомки. Он замолчал на некоторое время, рассматривая фото, а затем посмотрел на Павла.

– Чем-то она на вас похожа. Ваша родственница? – Спросил он.

Павел пожал плечами. Мысль о том, что женщина в кулоне похожа на него, ему не приходила.

– Понимаю, – сказал Иннокентий и тень усмешки промелькнула на его лице, – не в моей компетенции интересоваться происхождением этих украшений. Ко мне разные люди приходят за консультациями. Но смею надеяться вы не из тех, у кого нелады с законом? – Он быстро, исподлобья, бросил взгляд на Павла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.